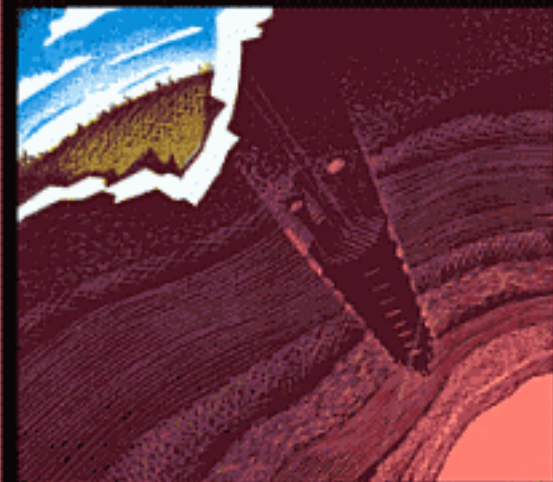

Мир приключений

Григорий АДАМОВ

Победители недр
Рассказы

Григорий Борисович Адамов

Кораблекрушение на Ангаре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137461

Победители недр: Правда; Москва; 1989

Аннотация

В рассказе Григория Адамова «Кораблекрушение на Ангаре» писатель объединил три истории, каждая из которых открывает читателю новые сведения о возможностях новых видов получения электроэнергии – главного направления индустриализации молодой Советской Республики начала 30-х годов. В первой истории «Сильная вода», служащей как бы эпилогом ко всему рассказу, шестнадцать человек терпят крушение суденышка на бурной реке Ангаре, и, высадившись на берегу, слушают у костра историю строительства большой электростанции на Ангаре, которая к этому времени (пятая пятилетка, 1951 год), была одной из самых мощных в мире. Вторая история – «Рассказ Диего» – о приливной электростанции в капиталистической Аргентине, где работал Диего, сидящий сейчас у костра и рассказывающий об этом слушателям. Он поведал о своей нелегкой судьбе в буржуазной стране, и о том как чуть не погиб из-за того, что в его стране работу машин ставят гораздо выше жизни человека. Третью же историю – «Электростанция на морозе» – рассказал французский инженер Жан Кларетон, работавший теперь в СССР на острове Диксон на берегу Карского моря, где располагалась

самая необычная электростанция в мире. Она могла работать только зимой, когда морозы не меньше 18 градусов по Цельсию, на ней вместо топлива служит вода из-под льда, а турбины вертит пар бутана – жидкого углеводорода.

Содержание

1. Сильная вода	5
2. Рассказ Диего	14
3. Электростанция на морозе	35

Григорий Борисович Адамов Кораблекрушение на Ангаре

1. Сильная вода

Удар был настолько сильным и неожиданным, что никто не удержался на месте, все повалились на палубу.

Через десять минут все было кончено: моторная лодка, получив огромную пробоину в носовой части, погрузилась в воду. Река несла на себе, по дрожащей лунной дорожке, около десятка человеческих голов – темных и круглых, как арбузы, – и небольшую лодку с задраным носом – «шитик» поместному – с остальными пассажирами.

Еще через десять минут люди вылезли из воды и из лодки на усыпанный галькой берег. Темной густой стеной, немного отступая от воды, тихо стояла тайга.

Небольшая экскурсия молодежи – студентов и работников местных заводов – сделала здесь, на берегу Ангары, не предусмотренную планом остановку.

На лужайке, у одинокой старой ели, вскоре весело постре-

ливал искрами огромный костер. На треноге из палок закипала вода в котелке.

Люди сидели у костра полуобнаженные и сушили одежду.

Лоцман Евсей Иванович (по старой памяти все водители мелких судов на Ангаре назывались еще лоцманами), кражистый старик с кругло подстриженной седой бородой, перетаскивал из шитика на берег припасы, которые были захвачены с мотолодки.

Профессор гидрологии Мочагин, высокий толстый человек со старомодными круглыми очками на носу, держа у огня на распяленных руках косоворотку (при выходе из шитика он упал в воду и искупался), гудел, обращаясь к соседу, Жану Кларетону:

– Мы теперь в бедственном положении, и нужно назначить настоящего начальника экспедиции...

Жан Кларетон, французский коммунист, инженер, уже немолодой, ответил с сильным акцентом:

– Не стоит! Пошлем лодку в Новобратск, и дня через два за нами придет катер... Евсей Иванович, – обратился он к лоцману, – сколько надо плыть в нашей лодке до Новобратска?

Евсей Иванович сложил под елью мешок с консервами и ответил:

– Не больно пылко несет теперь, а все же завтра к вечеру шитик там будет. Раньше бы часов за пять слетали...

– Почему такая разница? – спросил Жан Кларетон, по-

правляя хворост в костре.

Но надо было, однако, решить, что делать, и разгорелся спор. Предлагали разные проекты. Наконец согласились, что лучше всего все-таки послать шитик в Новобратск.

Из темноты показалась группа молодежи с охапками валежника и хвороста.

Спотыкаясь и натываясь друг на друга, они со смехом и шутками подошли к костру и свалили топливо в огромную кучу.

Среди общего шума послышался протест Веры. Она стояла в багровом свете костра, стройная, небольшого роста, в коротких шароварах и легкой майке, с голыми икрами тренированной альпинистки.

– Виктор, – громко обратилась она к молодому человеку, высокому, плечистому, с бритой головой, – мы больше не пойдем... Пусть эти лодыри теперь идут, – она указала на ребят, сидевших у костра.

– Правильно! – послышались крики. – Правильно!

– Гони феодалов! Очищай место у костра!

Пришедшие стали тащить сидевших, те сопротивлялись:

– Ведь хватит пока топлива! Дайте обсушиться! Потом пойдем!

Виктор, Вера и весь их отряд были неумолимы.

– Именем пятой пятилетки! – рычал Виктор среди шума, смеха, криков, таща за шиворот тщедушного Гаврика.

...Ушли. Пришедшие уселись вокруг костра и вскоре за-

тихли, энергично взявшись за консервы.

Жан Кларетон опять спросил:

– Так почему же такая разница, Евсей Иванович?

– А как же? Братская плотина Ангару подняла во как! И пылкости в ней не стало. Раньше летит, бывало, шитик через шиверы и падуны, инда дух захватывает. Сильная была вода! А нынче на спокойе, словно ребенка на руках несет – не колыхнет.

– Девяносто метров высоты, батенька, плотина-то, – прогудел профессор Мочагин. – Немного таких плотин во всем мире найдете. Она подпирает Ангару на пятьсот километров, до самого Черемхова. Не только все перекаты и пороги, по-старому, по-местному шиверы и падуны, перекрыты, а даже такие города, как Братск, Балаганск, ушли под воду. Теперь-то Ангара – тихоня по сравнению с тем, что было. Ведь у нее на тысячу восемьсот километров протяжения общее падение – исток выше устья – четыреста восемьдесят метров! Были места, где на каждый километр – тридцать-сорок сантиметров падения. Такое было стремительное течение, что до тридцатиградусных морозов река не замерзала.

Только пар, бывало, стоит над ней густым туманом, дымится река, в теснинах клокочет, как кипяток.

– Очень жалею, что не удастся теперь осмотреть эту гидростанцию, – сокрушался Жан Кларетон. – Ах, как жаль! Ведь это самая крупная установка в мире – на два миллиона шестьсот тысяч киловатт!

– Да почему же не сможете? – спросил Виктор, поедая с аппетитом консервы из дичи. – Куда вам так торопиться?

– Мы потеряем с этой печальной аварией не менее чем три дня, – ответил Жан Кларетон, – а я должен как можно скорее вернуться на работу. Директор нашей электростанции заболел, и я должен заменить его. А вы бывали на Братской гидростанции? – обратился он к профессору Мочагину.

– Ну как же! Я работал на ее стройке. Да... Вы много потеряете, не осмотрев ее!

Вера подбросила хвороста в костер.

– Вы знаете, – сказала она, усаживаясь на место, – когда я думаю о том, что мы сделали с Ангарой и вокруг Ангары, у меня от восторга дрожь по телу пробегает. Мечта первой пятилетки – я тогда была еще ребенком – стала теперь, в пятьдесят первом году, в конце пятой пятилетки, реальностью. Я химик, работаю на Гандюхинском металлургическом заводе. Там применяются совершенно новые методы работы...

– Это ты про бездомное получение железа? – спросил Веру Игнат, коренастый парень с огромной шевелюрой. – Она мне уши прожужжала сегодня на мотолодке об этой диковине.

– Да, – кивнула ему Вера, – и об электроплавке. Раз вся Ангара со своих гидростанций дает ток по три-четыре десятых копейки за киловатт-час работы, то почему не применять эту баснословно дешевую, почти даровую электроэнергию и для электроплавки сталей вместо древнего доменного

процесса с его низким коэффициентом полезного действия?

– Еще бы не дешевая энергия! – проворчал профессор Мочагин. – Нигде в мире не найти такого на редкость крепкого кулака, как здесь, на Ангаре: двенадцать с лишним миллионов киловатт установленной мощности в районе одной реки! Сколько это Днепровских гидроэлектростанций? Двадцать! Девяносто миллионов киловатт-часов изумительно ровной отдачи в год! То есть столько же, сколько было выработано в Североамериканских Соединенных Штатах – тогда, когда Ангара еще только проектировалась!

– Неслыханно! Невероятно! – бормотал Жан Кларетон, задумчиво глядя на ярко пылающий костер. – Меня много трепало по свету, я много жил и работал в буржуазных странах и много видел там замечательного в области техники. Но такого я не видел нигде... По какой цене отпускают отдельные ангарские электростанции ток потребителям?

– Самая небольшая – Удинская, – ответил Мочагин, – на притоке Ангары Уде, мощностью в триста тысяч киловатт, отпускает ток по восемь десятых копейки за киловатт-час работы, а самые крупные: Братская – в два миллиона шестьсот тысяч киловатт, Шаманская – в два миллиона киловатт – по две десятых копейки за киловатт-час.

Виктор встал и потянулся:

– Спать хочется, товарищи!.. А ведь только благодаря этой дешевке мы можем здесь, и только здесь, на Ангаре, производить искусственный каучук. Две десятых копейки за ки-

ловатт-час работы! Киловатт-час электроработы – это два-три восьмичасовых рабочих дня человека. Значит, выходит, что за две десятых копейки мы получаем работу двух-трех человек в течение целого дня!

От этих цифр может и спать расхотеться... Понятно, почему на Ангаре с ее дешевой электроэнергией сосредоточены самые дорогие энергоемкие производства: бездомное получение железа и стали на электроплавке, производство искусственного каучука, производство искусственного шелка из еловой древесины, производство алюминия из алунита – все такие производства, которые на дорогом топливе невыгодны.

Из темноты вынырнула белая борода, а потом и вся коренастая фигура Евсея Ивановича. Он подошел к костру и уселся на земле возле молчаливого человека с сухим бронзовым лицом, тонким горбатым носом и черными выющими-ся волосами.

– Ну что, Евсей Иванович? – спросил бронзоволицый человек.

– Да вот, значит, товарищ Диего, погнал я шитик-то с Егоровым и Степановым в Новобратск. Эх, жаль, не успели захватить с мотолодки радио... Скорее бы отсюда освободились... Еще нам не повезло, что мы на этом берегу высадились.

На этой протоке посуда не ходит. И пароходы, и баржи, и катера – все по главной протоке, вон за тем островом, ходят.

Были бы мы на другом берегу – живо сняли бы нас... Что это ребят-то наших не видать? Невелика штука – хворосту набрать... Не случилось ли чего с ними? Края-то наши еще необжитые, и медведи в тайге, бывает, пошаливают.

Костер трещал, пламя высоко взвивалось кверху. Широкие тяжелые лапы старой ели, покрытые местами серой паутиной, отливали старой бронзой. И все кругом было бронзовое: и полубнаженные тела людей, и борода Евсея Ивановича, и круглые камни на земле, и густая трава на лужайке.

Было тепло и тихо. Луна давно скрылась, и темнота сторожко стояла кругом стеной, оттесняемая пламенем костра, точно выжидая, когда можно будет надвинуться на кучку людей и поглотить ее.

Евсей Иванович встал, вставил два пальца в рот и пронзительно, по-разбойничьи свистнул, так, что у всех холодок по спине прошел.

Потом он оглушительно бросил в темноту:

– Го-го-го! До-омо-о-ой!

Все прислушались. Скоро, как будто пробиваясь сквозь темноту, донеслись далекие крики и свист.

– Идут, – сказал успокоенно Евсей Иванович, усаживаясь на место.

– А скажите, товарищ Диего, – опять обратился он к бронзоволицему молчаливому человеку, – как это вы после такой раны живы остались? Кто это вас так угостил?

Он показал пальцем на ярко освещенный пламенем кост-

ра глубокий и широкий шрам на лице Диего. Шрам шел от правого виска мимо уха, вниз, через челюсть и терялся под ней, уже на шее. Он уродовал лицо Диего, как будто раскрывая свежее кровавое мясо его, и все избегали прямо смотреть на эту часть его лица.

– Это давно... – глухо ответил Диего, – еще в Аргентине...

– Что же это вас – саблей или как? – простодушно допытывался Евсей Иванович. – За революцию небось?

– Нет. Это на производстве... Но эта рана сделала меня революционером.

– Ишь ты! – покачал головой Евсей Иванович. – А по-русски говоришь чисто, как по-родному.

Когда Евсей Иванович в разговоре переходил на «ты», это означало его явное сочувствие и сердечность к собеседнику.

– Я уже пять лет в Советском Союзе, – сказал Диего. – Очень усердно изучал ваш язык... и я очень полюбил его, он теперь мой родной язык.

– Да, – понимающе кивнул головой Евсей Иванович, взяв бороду в кулак, – это ты правильно...

– Как же вы получили эту рану? – спросила Вера. Она лежала у костра на груди, подпирая подбородок обеими руками. Ее серые большие глаза тепло и внимательно смотрели снизу вверх на Диего, и тот не мог удержаться от встречной улыбки.

2. Рассказ Диего

– Это было семь лет назад, – начал Диего. – Я работал тогда в Аргентине на приливной электростанции в бухте Сен-Хозе... Вы, вероятно, слышали о ней...

По ее образцу в прошлом году окончена постройка электростанции у нас на Мурмане. Я там теперь и работаю...

Из чащи слышались голоса людей, треск сучьев. Возвращалась вторая партия с топливом. Теперь его должно было хватить на весь остаток ночи. Ребята с шумом начали рассаживаться, требовать места и еды. Вера прикрикнула на них:

– Ну, будет вам... утихомирьтесь... Товарищ Диего рассказывает интересную историю.

Скоро наступила тишина, прерываемая иногда лишь тихим погроможиванием опустошаемых консервных банок.

– Принцип работы приливных станций вам, конечно, известен... – начал Диего.

– Известен, – подтвердил с полным ртом Гаврюшка.

– Не говори за других, – оборвала его Вера, – не все ведь энергетики, как ты... Товарищ Диего, расскажите поподробнее об этой станции. У большинства из нас очень смутное представление о ней.

– Мне все равно придется коснуться некоторых технических деталей, – сказал Диего, – иначе вам трудно будет по-

нять эту историю, которая чуть не окончилась для меня так трагически.

Я попал на эту станцию двадцати трех лет. До того я работал на главной электростанции в городе Розарио помощником машиниста при одной из ее паровых турбин. По вечерам, после тяжелого десятичасового рабочего дня, я слушал лекции в вечернем техникуме. Вопросы гидроэлектротехники меня очень интересовали. Я собирался специализироваться в этой области, мечтал из техникума перейти в университет и сделаться инженером-гидроэлектриком.

Вышло, однако, иначе...

Из-за возросшей конкуренции наша электростанция оставила три агрегата. Я очутился на улице. Несколько месяцев, голодая, в безуспешных поисках работы, я продолжал еще заниматься. Но потом пришлось расстаться и с учебой, и со своей мечтой...

Диего замолчал, пристально глядя на огонь костра. Через минуту он опять заговорил:

– Вы, счастливые, не знаете всего этого. Ваша молодость протекает совсем по-другому... Да... Одним словом, скоро я очутился в Буэнос-Айресе. Там через знакомого инженера, который знал меня как развитого и грамотного рабочего, я попал на станцию в Сен-Хозе. Об этой станции очень много писали в газетах, говорили, что с ее пуском Аргентина, бедная углем, избавляется от его ввоза, делается независимой от заграницы... Это действительно очень интересная проблема.

Приливная электростанция в бухте Сен-Хозе была запроектирована, в общем, на принципе работы приливов и отливов. Аргентинские берега Атлантического океана очень выгодные в отношении высоты приливной волны. Она достигает в некоторых местах побережья двенадцати метров. Кроме того, берег изрезан массой небольших заливов, бухт, устьями рек. Самым удобным местом оказалась бухта Сен-Хозе площадью в семьсот восемьдесят квадратных километров. Бухта соединяется с океаном проливом шириной около семи километров. Минимальная высота прилива в ней составляет четыре с половиной метра, а максимальная – весной – больше восьми метров.

Проект станции был разработан еще в 1929 году комиссией инженеров, назначенной аргентинским правительством, которое искало способы сократить импорт дорогого угля. Небольшая опытная станция на тысячу киловатт, построенная в соседней бухте Десеадо, подтвердила правильность проекта. Но вскоре наступил самый разрушительный в истории экономический кризис.

Капиталистам и правительствам капиталистических стран было уже не до новыхстроек, тем более таких гигантских. Проект оставался нереализованным.

К этому времени кризис немного смягчился, и к проекту вернулись. Но обанкротившееся правительство не смогло взять в свои руки постройку станции и решило передать ее частным лицам. Различные группы капиталистов – и свои,

и английские, и американские – стремились захватить себе эту лакомую концессию. Обманы, подлоги, взятки и подкупы чиновников, ученых экспертов, министров, газет, кража документов, угрозы и даже убийства – все было пущено в ход в этой бешеной свалке и грызне стаи хищников. Победа досталась английской группе, которая объединилась с аргентинским капиталом, предоставив и ему кусок пирога. Через несколько месяцев после пуска станции мне посчастливилось попасть туда на работу.

Когда я впервые появился у станции Сен-Хозе, меня поразила странная картина.

Я думал найти здесь огромное здание электростанции из стекла и бетона, различные подсобные здания и сооружения. Оказалось совсем другое.

При свете утреннего солнца я увидел огромную зеркальную гладь бухты. Пролив, соединяющий бухту с океаном, был наглухо заперт гигантской плотиной, которая серой стеной, прямой, как стрела, уходила вдаль и терялась в утренней дымке тумана. Спина плотины сверкала на солнце, как серебристая чешуя чудовищной рыбы, уснувшей на поверхности океана. Это были стеклянные крыши над теми помещениями, которые были спрятаны в теле плотины.

Меня отвели в барак, где жили холостые рабочие. Это было большое общежитие казарменного типа, где мне предоставили койку. Я оставил там свой тощий чемодан и отправился в контору.

Инженер по найму рабочих коротко расспросил меня о предыдущей работе, об образовании, о политических убеждениях, об отношении к революционному профсоюзу.

Я старался, чтобы мои ответы удовлетворили его, хотя, правду говоря, они были вполне искренни. Я больше думал тогда о куске хлеба, чем о революции.

Меня поставили на ремонтную работу в пятьдесят второй группе агрегатов.

Инженер объяснил мне, что в мои обязанности входит наблюдение за состоянием этих агрегатов – турбин, питающих и выводных каналов, валов, генераторов, щитов. После этого он поручил курьеру проводить меня к месту работы.

Мы подходили к плотине со стороны бухты. Плотина начиналась у ее высокого скалистого берега, сливаясь с ним, и подымалась над уровнем воды на десять-одиннадцать метров. У самого начала плотины был широкий вход с колоннами из розового мрамора. Внутри открывался обширный сводчатый вестибюль с двумя пролетами прекрасно отделанных лестниц. Солнечный свет через стеклянную крышу заливал вестибюль.

– Тебе повезло, – усмехнулся курьер, – ты проходишь на станцию как почетный гость, через парадный подъезд.

– Почему же мне устроили такой торжественный прием? – спросил я.

– Просто теперь идет ремонт рабочей проходной – разобрали лестницу, меняют полы.

С площадки второго этажа, в раскрытую дверь, я увидел под высокой стеклянной крышей бесконечно длинный зал с глухими стенами, без окон и дверей. По всей своей длине он был уставлен бесчисленными черными, похожими на огромные остроконечные шлемы, генераторами. Они стояли на полу непрерывной лентой на расстоянии около двадцати метров друг от друга. Мощное низкое гудение наполняло этот зал, конца которого я не мог видеть. Казалось, что циклопические стены поют в унисон с тремястами сорока шестью турбогенераторами, поют песнь покоренных, но грозных рабов человека.

Мы подошли к человеку в фуражке с желтым кантом. Курьер сказал ему что-то, и человек вывел из бокового помещения электрокар. Мы стали на его площадку и с мелодичным позваниванием понеслись вдоль строя генераторов. На вершине каждого виднелся его порядковый номер. В стены были вделаны многочисленные приборы измерения, контроля и управления каждым агрегатом.

Мелькали мимо генераторы, изредка встречались люди. Несколько толстых стен с маленькими проходами все же разделяли этот бесконечный зал на отделения, которые можно было в случае катастрофы изолировать друг от друга. Минут через двадцать электрокар остановился возле генератора с моим номером.

Нас встретил маленький, очень толстый человек с красным одутловатым лицом и по-рачьи выпуклыми глазами.

Это был начальник отделения, состоящего из сорока агрегатов. Около него стоял мастер – пожилой человек, худой, сутуловатый, с бритым тощим лицом и толстой отвисшей нижней губой.

На всю жизнь врезались в мою память два человека. Один – с короткими сильными руками и красными пухлыми пальцами, которыми он впоследствии толкнул меня в бездну и на верную смерть. И другой – от которого я меньше всего мог ждать, что именно он будет моим спасителем.

Диего умолк. Он взял лежащий возле него толстый сук и пошевелил костер. Сноп искр и длинные языки пламени взвились кверху – и осветили внимательные молодые лица, глаза Веры и задумчиво смотревших на огонь профессора Мочагина и Жана Кларетона. Лишь один Евсей Иванович, так и не дождавшись рассказа о ране, подремывал, лежа на боку и мирно посапывая в бороду.

Наступившее молчание разбудило его, и, раскрыв глаза, он растерянно сказал:

– А? Что? Что же ты, милой, молчишь?

– Что же произошло с вами там, товарищ Диего? – спросила взволнованным голосом Вера. – Наверное, что-то ужасное... Рассказывайте же...

– Я расскажу... Я давно не вспоминал об этом, неприятно вспоминать такие переживания... но теперь я это расскажу... Нельзя сказать, что работа была у меня трудная. Агрегаты работали и управлялись почти автоматически. Каж-

дый турбогенератор был небольшой мощности: при разности уровней между верхним и нижним бьефом в пятьдесят сантиметров мощность турбогенератора равнялась семистам киловаттам, при разности уровней в один метр – двум тысячам киловатт, а при разности полтора метра – около двух тысяч девятисот киловатт. Но мощность всех агрегатов вместе равнялась уже в маловодные дни в начале каждого цикла двумстам шестидесяти тысячам киловатт, в конце его – миллиону киловатт. За каждый цикл – приливной или отливной – вся электростанция вырабатывала около четырех миллионов киловатт-часов электроэнергии, а за сутки – пятнадцать миллионов. Весной, когда приливы особенно сильны, количество ежедневно вырабатываемой электроэнергии повышалось вдвое. Годовая выработка электроэнергии составляет таким образом около пяти с половиной миллиардов киловатт-часов... А сколько вырабатывает этой энергии Братская электростанция? – спросил Диего профессора Мочагина.

– Восемнадцать миллиардов шестьсот миллионов киловатт-часов в год, – последовал немедленный ответ.

– Значит, эта станция, самая мощная из приливных станций мира, все же в три с лишним раза меньше одной Братской. Однако она ежегодно сберегает Аргентине несколько миллионов тонн импортного угля и дает ток сравнительно очень дешево – около полукопейки за киловатт-час. Это в общем недурно. Наша Мурманская станция несколько мень-

ше, и там ток мы отпускаем по копейке с четвертью за киловатт-час, и мы считаем это тоже выгодным.

Да... Вернемся, однако, к рассказу. Моя работа заключалась в том, чтобы наблюдать за чистотой агрегатов, за своевременной подачей масла в масляные насосы, за работой щитов и направляющих лопаток в каналах и, наконец, за состоянием самих каналов. Раз в декаду, в перерывы между рабочими циклами, когда турбины не работали, я регулярно спускался по веревочной лестнице из машинного зала в колодцы, осматривал каналы, щиты и рабочее колесо турбины.

Чтобы простучать вал и лопатки рабочего колеса, проверить сальники, приходилось подвешивать себя на веревке в узком пространстве, которое оставалось свободным между внешними краями лопаток и стенами колодца. Это была самая неприятная и опасная работа. Никакие крики о помощи не будут услышаны из этой огромной глухой ловушки, где жуткое спокойствие царит лишь в краткие перерывы между циклами. Я всегда спешил как можно скорей закончить эту работу и выбирался оттуда, как из могилы.

Чтобы вы вполне ясно представляли себе то, что произошло здесь со мной, я должен объяснить вам устройство и работу этих каналов.

Под каждым генератором, стоявшим в зале, шел вертикально вниз круглый колодец. До половины этого колодца из генератора спускался также вертикально вал с насаженным на него в нижнем конце горизонтальным рабочим колесом

турбины с изогнутыми лопатками.

Почти у основания плотины, немного выше дна бухты, этот вертикальный колодец встречался с горизонтальной трубой десяти метров в диаметре, которая прорезала плотину поперек, соединяя океан с бухтой. Это был так называемый выводящий канал. На уровне отлива со стороны океана и бухты с наружных сторон плотины начинались еще два канала, тоже десяти метров в диаметре каждый, и, изгибаясь вниз, шли друг другу навстречу в теле плотины. Они сходились в середине центрального колодца как раз в том месте, где находилось рабочее колесо турбины. Эти два канала были питающими. Каждый из них мог запираяться своим щитом, который специальный мотор опускал и подымал в специальную камеру.

Такие же два щита находились возле выходных отверстий нижнего выводящего канала.

Теперь представьте себе, что начинается прилив и вода в океане поднимается.

Если опустить щит в питающем канале, который начинается со стороны бухты и который будем называть правым питающим, а также опустить щит в левой части выводящего канала, выходящей в океан, а остальные щиты – поднять, то вода из океана устремится в открытый левый питающий канал, ударит в лопатки турбины, завертит ее, пройдет по колодцу вниз и через открытую правую часть выводящего канала и выйдет в бухту. Все турбины так устроены, что не нач-

нут работать, пока разность уровней воды в океане и бухте не достигнет пятидесяти сантиметров и не получится достаточного напора воды. Когда прилив достигает максимальной высоты и наступает время отлива, турбины останавливают, во всех выводящих каналах поднимают вторые щиты (со стороны океана), вода получает новые пути в бухту, и высота воды в бухте и океане в течение двадцати пяти минут выравнивается.

С началом отлива начинается второй цикл. Поднятые ранее щиты в левом питающем канале (со стороны океана) и в правой части выводящего в бухту канала опускаются и запирают каналы. Выхода воде из бухты нет. Затем, когда в океане уровень воды по сравнению с бухтой понизится на пятьдесят сантиметров, подымается щит в правом питающем канале (со стороны бухты) и в левой части выводящего канала (со стороны океана).

Вода из бухты хлынет через правый питающий канал, и под ее напором турбина начнет вращаться. Пройдя через турбину, отработавшая вода ринется в колодец и затем через левую часть выводящего канала (в сторону океана) выйдет в океан.

Так как в океане отлив идет быстрее, чем вода выходит из бухты, то разность уровней будет возрастать: через двадцать две минуты после пуска в ход турбины разность уровней будет уже не пятьдесят сантиметров, а восемьдесят пять, еще через сорок восемь минут – полтора метра. Эта разность

уровней удержится в течение двух часов пятидесяти минут, и турбины в это время будут работать с максимальной мощностью. Затем начнется прилив, вода начнет подниматься и разность уровней уменьшаться. Когда она вновь достигнет пятидесяти сантиметров, останавливают турбины, открывают все щиты и ждут, пока сравняются уровни по обе стороны плотины. Тогда все щиты опускают, каналы заперты, уровень со стороны океана повышается, и, когда он превысит уровень воды в бухте на пятьдесят сантиметров, поднимают щиты в левом питающем канале и правой части выводящего канала, и цикл начинается сначала.

Я проработал на электростанции уже десять месяцев, вполне освоился с людьми и обстановкой.

Начальник отделения Себастьян Гомец был неприятный человек – карьерист от головы до пяток. За тантьему, за свою долю в прибылях компании он готов был содрать с нас, рабочих, седьмую шкуру. Это, однако, не мешало ему при встрече в свободный час угощать меня сигарами и покровительственно хлопать по плечу: я был покорный парень, расторопный, не жаловался на нагрузку, вообще был на хорошем счету у него, и он говорил, что из меня «выйдет толк».

Мастер нашего отделения был странный человек, угрюмый, молчаливый, строгий в исполнении распоряжений начальника. Но лично от себя он не любил навязывать работу нам, рабочим, а все, что мог, делал сам.

Можно было подумать, что ему жаль было нас, до того

редко он отдавал распоряжения. Его звали только по фамилии – Андреас. Говорили, что он будто бы австрийский немец, бывший революционер, участник венского восстания 1934 года; говорили, что после поражения восстания он бежал и добрался до Аргентины, где у него были брат и дядя жены. Здесь он обжился и заботился только об одном – чтобы никто не знал о его прошлом. Что в этих рассказах было истинного – трудно было судить, да я и не задумывался над этим.

Жилось мне, в общем, недурно, хотя работы было много, уставал я отчаянно и заниматься самообразованием было совершенно невозможно, и это очень огорчало меня. Развлечений здесь никаких не было; единственное, что развлекало нас, – это ежедневное купание в бухте.

Я был отличным пловцом и среди всего персонала считался чемпионом по плаванию. Из воды я всегда выходил с сожалением и с нетерпением ожидал следующего купания.

Однажды разнесся слух, что к нам завтра «внезапно» придет председатель компании, которой принадлежит электростанция, – англичанин какой-то, не то лорд, не то пэр, одним словом, какая-то важная шишка.

Поднялась суматоха. Начальники отделений засуетились, мобилизовали всех на генеральную чистку, проверку и регулировку агрегатов. Наш Гомец совсем озверел. Он надел белоснежные перчатки, ходил по всем потаенным углам, проводя пальцем по частям машин, и за малейшее пятнышко на

перчатке штрафовал нещадно.

На следующий день это мучение возобновилось с утра, и к полудню все сияло и сверкало в машинном зале, генераторы пели свою монотонную, но волнующую песнь, все были одеты в парадную одежду и с волнением ждали властителя наших судеб. А его все не было, хотя по радио нам дали знать из Буэнос-Айреса, что он уже давно вылетел к нам на своем вертолете.

– Он хочет прилететь неожиданно, – бормотал возле меня Гомец, – и ничего с пути не сообщает нам...

Я сказал Гомецу, что выйду наверх плотины и посмотрю, не виден ли вертолет нашего председателя. Гомец обрадовался моему предложению и даже заторопил меня.

По внутренней лестнице я мигом взлетел наверх. Передо мной расстилался безбрежный океан. Погода свежела. Высокие волны бились о массивную стену плотины, взлетали лохматыми гривами кверху и падали в бессилии вниз. Прилив еще только начинался, и разность уровней едва достигла начальных пятидесяти сантиметров. Турбины лишь минут десять назад были пущены в ход и работали под слабым еще напором воды.

Я смотрел на небо. Оно заволакивалось тучами и грозило штормом. Вдали виднелись самолеты, борющиеся с ветром и спешившие добраться до своих аэродромов. Но зеленого с красными кругами вертолета председателя компании не было видно.

Сзади послышался шум, и, обернувшись, я увидел Гоцеца, который выкатился из люка и направлялся ко мне – круглый, плотный, красный.

– Ну что, Диего, не видно геликоптера? – еще издали спросил он меня.

Я ответил, что не видно, и добавил, что председатель, возможно, совсем не прилетит из-за надвигающегося шторма.

Годец возразил, что геликоптер – первоклассный и что, если бы прилет был отменен, председатель сообщил бы об этом на станцию.

Во время разговора мы смотрели на небо, и лишь случайно, опустив глаза на покрытый барашками океан, я заметил что-то плывущее на поверхности воды недалеко от плотины.

– Смотрите, синьор Годец, что это плывет к нам?

Годец посмотрел и побледнел.

– Послушай, Диего, – взволнованно сказал он, – ведь это обломок мачты... Как он попал сюда? Как он миновал заграждения?

Ветер и волны гнали к плотине круглое бревно, которое теперь было уже ясно видно. Оно имело в длину метра три и в толщину до тридцати-сорока сантиметров. На обоих концах оно было схвачено железными обручами.

– Надо немедленно перехватить его, Диего! – кричал Годец со всевозрастающей тревогой. – Если его втянет в питающий канал, с турбиной произойдет авария... Ну, что же ты стоишь, болван! – набросился он на меня. – Беги за багром

скорее!

Я бросился к лестнице, но отчаянный крик Гомеца догнал меня:

– Стой! Стой! Не успеешь!

Я повернулся к морю и увидел, что, действительно, не успею: бревно покачивалось уже на расстоянии около двадцати метров от плотины, как раз против входа в питающий канал, где виднелся все усиливающийся водоворот. Я не знал, что делать. Гомец метался вдоль ограждающей решетки и, вытаращив полные ужаса глаза, ломая руки, кричал:

– Санта Мария! Авария!.. Все погибнет... Вся карьера!.. В присутствии председателя!.. Я не переживу этого!..

Он на мгновение остановился, как будто пораженный молнией, и бросился ко мне:

– Диего, ты еще можешь спасти!.. Прыгай в воду! Отведи бревно! Ты чемпион! Тебе ничего не стоит!

Он тащил меня к ограде, подталкивал, умолял, грозил. В первое мгновение я совершенно растерялся, но взгляд, брошенный на море, мысль о водовороте, о канале, о бешено вращающемся турбинном колесе подняли меня на дыбы. Я вырывался, упирался, кричал:

– Вы с ума сошли! Я не желаю умирать ради вашей карьеры! Оставьте меня!

Между нами завязалась борьба почти у края плотины, у ее низкой ограды. Гомец тянул меня с невероятной силой и хрипло лаял мне в лицо:

– Ты же отлично плаваешь, Диего! Ты получишь сто пезо! Сто пезо, Диего, за пятиминутное купание! И мою вечную благодарность!

Он был сильнее меня. Он прижал меня к решетке. Резким движением я вырвал руки из его цепких клешней, но не рассчитал это движение.

Я споткнулся о решетку и с криком перевернувшись в воздухе, полетел в океан.

Последнее, что я успел заметить на плотине – это взволнованную рожу Гомеца и голову Андреаса, показавшегося из лестничного люка и с искаженным от ужаса лицом глядевшего в нашу сторону.

Я упал с высоты восьми метров и, инстинктивно приняв во время падения необходимое положение, быстро вынырнул на поверхность. Перед падением мы стояли на плотине не прямо над отверстием канала, а несколько в стороне. Это спасло меня в первое мгновение. Но свирепо бившиеся у плотины волны беспрерывно накрывали меня, оглушали и ослепляли.

Я потерял ориентировку и не мог представить себе, где именно находится отверстие канала.

Я сделал несколько взмахов руками вдоль плотины и с ужасом вдруг почувствовал, что меня тянет вниз непреодолимая сила.

Я отчаянно закричал и погрузился с головой в воду. Моя нога уперлась в плотину. Я с силой оттолкнулся от нее вверх

и опять вынырнул на поверхность.

Я видел наверху растерянное лицо Гомеца и в двух метрах от себя злосчастное бревно. Оно тоже уже испытывало влияние водоворота и непрерывно клевало одним своим концом.

В то мгновение, которое я пробыл на поверхности, с безумной быстротой промелькнули в голове обрывки мыслей: я понял, что сопротивляться бесполезно – меня все равно тянет, я погиб, единственное – идти за потоком... в канал, проскользнуть между колесом турбины и стенкой канала... где я работал подвешенным на веревке... один шанс на сто... потом вниз в колодец и через выводящий канал в бухту... один на тысячу... Бревно!.. Нужно успеть раньше, чем бревно... Оно измолотит меня... Вперед!

Я сделал глубокий вдох и, сложив над головой руки, нырнул за потоком.

Я никогда потом не был в состоянии понять, как я мог решиться на это. Я и теперь цепенею при одном воспоминании об этой минуте... В сущности, мне ничего другого не оставалось делать. Я все равно уже уходил под воду.

Меня понесло, как пушечное ядро. Но я успел два-три раза изо всех сил загрести руками, стремясь на дно канала. Это мне удалось, и я почувствовал, как ожегся грудью и животом, пролетев по дну канала, как будто над огнем. В следующую секунду я почувствовал страшный удар в бок и голову, сознание потухло и мрак поглотил меня.

Очнулся я в больнице. Как мне потом рассказывали, я почти целый месяц пролежал без сознания, между жизнью и смертью. Я узнал, что жизнь спас мне Андреас – мастер нашего отделения.

Он появился из люка на плотине, желая сообщить Гомецу, что председатель прибыл уже на своем авто.

Когда Андреас увидел мое падение в море и услышал мой отчаянный крик, он понял, что я попал в водоворот. Он бросился стремглав, с неожиданной для его лет быстротой вниз в зал, к генератору, и резко остановил турбину. Вероятно, он все-таки не успел бы это сделать вовремя, если бы я не выиграл несколько секунд, вынырнув вторично на поверхность. Но остановка турбины произошла все-таки вовремя, я ударился боком об угол канала и головой об одну из лопаток рабочего колеса, но они не искромсали меня, как мясорубка.

Однако для турбины это не прошло бесследно: у нее лопнул вертикальный вал, и она выбыла из строя.

Могло быть хуже, если бы прилив был уже в разгаре и турбина успела бы развить полный ход и достичь максимального числа оборотов. Тогда от резкой остановки она могла бы разлететься на куски, и в этом случае я все равно погиб бы.

Из выводящей трубы меня далеко выбросило в бухту. Оттуда меня сейчас же извлекли.

Старика Андреаса на другой же день выгнали из электростанции, как виновника аварии. Еще через день он исчез со своей семьей, и больше я его никогда уже не встречал, хотя

искал этой встречи всюду и всегда.

Гомеца перевели на другую станцию. Я вышел из больницы с этим шрамом на лице, без двух ребер и с огромными шрамами на животе и груди.

Я вышел из больницы другим человеком. Я много передумал, пока лежал спеленутым, как ребенок, на больничной койке. Я много понял, но еще больше почувствовал.

Я понял, что в глазах этих председателей акционерных компаний и их прислужников, вроде Гомеца, пролетарий не человек. Он раб, он машина, он вещь.

Как смел Гомец предложить мне сто пезо за мою жизнь? А Андреас? Ведь они выбросили его за то, что он пожертвовал машиной ради человека!

Я вышел из больницы, едва оправившись, шатаясь еще от слабости. Конечно, мое место на электростанции давно уже было занято другим.

Я получил свои гроши и уехал в Буэнос-Айрес. Там я не скоро получил работу, но зато очень скоро вошел в коммунистическую партию.

Она была в подполье, ее загнало туда полуфашистское правительство генералов и банкиров. Но в первых же баррикадных боях, которыми окончилась знаменитая буэнос-айресовская стачка докеров, мой боевой отряд из порта де ля Бока доставил много хлопот фашистским генералам. Баррикады де ля Бока они будут долго помнить!

После подавления стачки мне пришлось бежать из Арген-

тины. И вот я здесь, на второй моей родине.

И здесь я стал тем, чем никогда не смог бы стать в мире капитализма: я стал человеком, а не бунтующим рабом. Я осуществил наконец свою мечту и стал инженером-гидроэнергетиком...

Диего умолк, и долго вместе с ним молчали у затухающего костра шестнадцать человек, слушавших рассказ из мира, который стал им почти понятным.

Лишь один Евсей Иванович, вздохнув и сжав в кулак седую бороду, сказал:

– Да, браток... жизнь была, я тебе скажу...

3. Электростанция на морозе

Утро было туманное и зябкое, как это нередко бывает даже в июле на Ангаре.

Люди спали у потухшего костра с посиневшими от предутреннего холода лицами.

Во сне они ежились, скрючивались, свертывались в клубок. Хотелось спать, но сырой холод не давал лежать.

Первым встал Евсей Иванович и немедленно захлопотал. Стараясь не шуметь, он из остатков хвороста разжег костер, сбегал к реке за водой и повесил над огнем котелок.

Небо розовело все сильнее, туман стал редеть, а когда показалось солнце, он и совсем рассеялся. С солнцем все проснулись, и лагерь зажил шумной, хлопотливой жизнью.

После завтрака разбились на партии: одна должна была таскать хворост, другая пошла в тайгу за ягодами и грибами. Евсей Иванович остался сторожить лагерь.

Солнце взбиралось все выше, разгоралось, в чаще делалось душно. К полудню обе партии кончили работу: натаскали высокую кучу хвороста, набрали грибов, ягод – почти одна брусника с черникой – да еще кедровых орехов.

Вернулись в лагерь усталые, в испарине. Искупались в Ангаре. Несмотря на жаркие дни, вода в реке как всегда была холодная, жгучая. Едва окунувшись, выскакивали стремглав из воды. Даже Вера и Виктор поплавали минуту-другую и не

выдержали – бросились к берегу.

А на берегу – жара. Лежали, истомленные, под елью.

Жан Кларетон чистил грибы и изнывал:

– За три года, которые я провел на севере, я совсем отвык переносить жару. Вот мученье!

– Это еще благодать, милой товарищ, – сказал Евсей Иванович, строгая колышек, – этот год гнуса нет, неурожай на него. Был бы гнус, живым бы не выбрался отсюда.

– В прошлом году, – отозвалась Вера, – я была на Илиме-реке с экспедицией по разведке железорудных месторождений. Трущобы там непроходимые... Вот натерпелись! Гнус тучами стоял над нами, непрерывный звон в ушах сводил с ума. Мы были искусаны до крови – ни сетки, ни одежда не помогали, а сетки до того были забиты, что сквозь них ничего не было видно. Наши две лошади, с кровавыми язвами на спинах и животах, были сплошь покрыты этими кровопийцами. Бедные животные наконец взбесились, стали ложиться на спину, тереться о стволы деревьев, перебили и переломали все наше снаряжение. Одна через два дня издохла, а другая сбежала. С трудом мы сумели выбраться к реке, экспедиция была сорвана.

– Мошкары и у нас в Игарке достаточно, – сказал Жан Кларетон, – но зато лето более прохладное, более бодрое, чем здесь... А главное – зима... Самое лучшее, по-моему, время года в Арктике.

– Вот нашли сезон! – рассмеялся Виктор.

Вместе с Верой, Игнатом, Гавриком и другими ребятами они рвали кругом траву для подстилки на ночь. Намятые прошлой ночью на камнях бока ныли у них до сих пор.

– Поживите с годок в Арктике, и вы полюбите ее своеобразную прелесть, – возразил Жан Кларетон, выбирая из кучки грибы покрупнее и покрепче. – Я вот там уже три года. Когда, случается, уезжаю отсюда, положительно тоскую по ней. Кроме того, зима в Арктике теперь не гиблый, мертвый сезон, как раньше, когда все в ней погружалось в спячку, в безделье.

В Игарке, например, жизнь кипит зимой, как во всяком другом индустриальном центре Союза. Работают лесопильные и деревообрабатывающие заводы, карандашные фабрики на туруханском графите, мясоконсервные заводы, судостроительные верфи, судоремонтные мастерские. Наша электростанция, например, только зимой и работает. Правда, эта непрерывная арктическая ночь под конец надоедает, и предвесенние метели часто парализуют жизнь... А иногда эти метели таких бед натворят...

Жан Кларетон покачал головой, медленно снимая шкурку с красной головки крепкотелого подосинника.

– Вы, наверное, что-нибудь особенное вспомнили из этих бед? – спросила Вера.

– Да, – ответил Кларетон, – кое-что вспомнил – и меня при этом поразила маленькая аналогия со случаем с товарищем Диего... Аналогия и вместе с тем – какой большой кон-

траст!.. Да... – продолжал Кларетон, покачивая в задумчивости головой и принимаясь за новый гриб, – какая разница в поведении при почти одинаковых обстоятельствах!..

– А вы перестаньте нас интриговать и лучше расскажите об этих контрастах и аналогиях, – попросил Виктор.

– Долго рассказывать, да и по-русски говорю я еще не совсем свободно...

– Времени у нас хватит, – возразила Вера, – а насчет языка, не напрашивайтесь на комплименты...

– Ну тогда пеняйте на себя, – рассмеялся Жан Кларетон. – Времени у нас предостаточно, надо его как-нибудь скоротать... Так вот, слушайте, если есть охота.

– Дело было прошлой зимой, – начал Жан Кларетон. – Наша электростанция стоит на острове Диксон на берегу Карского моря. Станция немаленькая, на 150 тысяч лошадиных сил, при этом довольно оригинальная, работать она может только зимой, когда морозы не меньше 18° по Цельсию. Вместо топлива служит вода из-под льда, а турбины вертит пар – не водяной, а пар бутана – жидкого углеводорода...

– Все вверх ногами! – удивленно пробормотал Игнат, взлохмачивая свою пышную шевелюру.

Он имел право откровенно и честно сознаваться, если не понимал чего-нибудь в технических вопросах: ему это прощалось, так как он был музыкантом, студентом Иркутской консерватории по классу скрипки.

– Что за чепуха! Ледяная вода отапливает... Вы не смее-

теть?.. – Он недоверчиво посмотрел на Кларетона.

– Ну, что вы! – улыбнулся Кларетон. – В этом и смысл, и все огромное значение этих оригинальных электростанции для арктических областей.

Арктические области почти лишены минерального топлива. А если это топливо и скрыто в их недрах, то, чтобы добыть его, нужно произвести массу затрат: заложить шахты в вечной мерзлоте, доставить много машин и оборудования, завезти в этот район много людей, продуктов, товаров, построить жилища, больницы, школы, телеграф, склады, провести железную дорогу и так далее, и так далее – одним словом, надо заселить район.

Наша электростанция стоит на берегу моря. Ее обслуживают всего лишь двадцать два человека. Она работает непрерывно, пока стоят морозы, вырабатывает электроэнергию и снабжает ею весь свой огромный район. Она дает и свет, и тепло, и двигательную энергию, при помощи которых работают предприятия Игарки, медные, цинковые рудники на острове Диксон, добывается железная руда на полуострове Таймыр. Без нашего электротепла нельзя было бы вскрыть скованную вечной мерзлотой почву нашего района, нельзя было бы добраться до всех этих сокровищ.

Мы живем на нашей электростанции очень уединенно. Недалеко от нас находится знаменитая Диксоновская радиостанция, там же и порт, который летом очень оживлен: приходят морские гиганты из Архангельска, Мурманска, Ленин-

града, Западной Европы, полные грузов для Игарки и всего бассейна Нижнего Енисея.

Здесь же они останавливаются и догружаются перед тем, как начать свой обратный путь от Игарки в Европу.

На нашей станции почти все процессы автоматизированы, однако работы для каждого из нас достаточно.

– А вы там на какой работе, товарищ Кларетон? – спросил Игнат.

– Главным инженером и заместителем директора электростанции, – последовал ответ. – Так вот, видите ли, какая у нас произошла история... Среди персонала станции работала у нас тогда лаборантка Женя Ляпунова, тунгуска, молодая девушка, лет двадцати двух. Несмотря на свою молодость, она успела, еще будучи студенткой, участвовать в нескольких экспедициях: на Таймыр и в двух океанографических. Девушка она была удивительно жизнерадостная, заразительно веселая, но на работе – зверь: бывало, займется исследованием какой-нибудь новой интересной реакции бутана или холодильного гидрата и не выходит из лаборатории по двенадцати-пятнадцати часов кряду. По существу, она, конечно, была права: от ее зоркости, внимательности и добросовестности зависело многое в работе нашей электростанции. Ведь, в сущности, электростанция-то наша не тепловая и не гидравлическая, а именно химическая.

И еще у нас был там в это время монтер, подводник, ледовик – Корней Бойцов.

Почти все внешние сооружения были в его ведении: и ледовые каналы для охлаждения соляного раствора, и транспортеры, и подводящая воду труба.

Жан Кларетон остановился, увидев выражение лица Игната, явно ничего не понимавшего. Да и остальные ребята, как это видно было по их лицам, не намного больше понимали, хотя слушали они очень внимательно, даже с известным напряжением.

– Да... – протянул он, проводя рукой по волосам, – действительно трудно будет понять всю эту историю, если не объяснить, хотя бы кратко, сущность рабочего процесса на электростанции.

– Ну да, – улыбнулась Вера, – уверяю вас, это будет так же интересно, как и история Жени Ляпуновой и Корнея Бойцова.

– Хорошо! – решительно заявил, усаживаясь поудобней, Жан Кларетон. – Так вот, как у нас дело обстоит. На нашей электростанции каждый генератор, вырабатывающий электрический ток, вращается, как и всюду на электростанциях, от своей турбины. Турбину же, как и всякую паровую турбину, вращает струя пара, бьющая в многочисленные лопатки, которые насажены на внешнюю окружность рабочего колеса турбины. Но мы отказались пользоваться обычным водяным паром. Как я уже говорил, для этого нужно много минерального топлива, которое в Арктике трудно достать и которым слишком дорого пользоваться.

Уже давно известно, что некоторые жидкости кипят, превращаются в пар при гораздо более низкой температуре, чем та, которая необходима для превращения воды в пар. Такая жидкость, как, например, пропан, получаемый из нефти, остается в жидком состоянии лишь при температуре ниже минус шестьдесят шесть градусов Цельсия. Как только температура доходит до 66 и выше, пропан начинает кипеть и переходить в газообразное состояние.

Родственный ему бутан начинает кипеть и переходит в пар при минус десяти градусах Цельсия.

Если налить бутан в котел и погрузить этот котел в воду с температурой выше (теплее), чем минус десять градусов Цельсия, то бутан начнет превращаться в пар, и чем выше будет температура воды по сравнению с температурой жидкого бутана, тем энергичней будет происходить это парообразование. При соответствующих условиях пар получит такую упругость, что сможет производить необходимую работу: вращать турбину, двигать поршень и т. д.

Вот для превращения бутана в пар к котлу и подводится вода из-под льда, температура которой всегда держится на уровне двух-четырех градусов выше нуля: лед ведь, как хорошее одеяло, защищает воду под собою от самых трескучих морозов...

Но бутан обладает еще одним хорошим свойством: он не растворяется в воде.

Это избавляет от необходимости помещать его в особый

котел отдельно от воды.

Можно его вводить в непосредственное соприкосновение с водой. В одном общем котле бутан и вода смешаются, и произойдет почти мгновенная передача тепла от воды к бутану без лишней траты тепла на согревание стенок котла. Отнимая у воды все ее тепло, бутан немедленно испаряется; в это же время, лишившись своего тепла, вода замерзает и превращается в крупинки льда. Пары бутана направляются в турбину, которую они заставляют вращаться, а ледяная крупа удаляется из котла-испарителя.

– Позвольте, – перебил Кларетона Игнат; видно было, что ему давно не терпится и что он намерен сделать какое-то сенсационное заявление. – Как же это так? Если этот самый бутан непрерывно работает, значит, он непрерывно испаряется, значит, нужно непрерывно доставлять все новые и новые количества его... Так чем же это лучше непрерывной доставки нефти?

Игнат даже покраснел от волнения. Жан Кларетон был подготовлен к такому вопросу. Его забавляла нетерпеливая любознательность Игната.

– Видите ли, – ответил он Игнату, – бутан, конечно, непрерывно испаряется, но ведь я не говорил, что мы этот пар после того, как он отработает, выпускаем на воздух. Если бы мы это делали, ваше возражение было бы вполне основательно.

Но мы, наоборот, использованный, отработанный пар бу-

тана конденсируем, возвращаем в первоначальное жидкое состояние и заставляем его опять проделывать тот же цикл. Одним словом, бутан у нас не расходуется, а постоянно циркулирует в замкнутом круге с минимальными потерями.

– Тогда, конечно, другое дело, – удовлетворенно заметил Игнат, давая понять, что он снимает свои возражения. – Очевидно, вы изложили нам только одну половину процесса...

– Вы совершенно правы, – согласился Жан Кларетон, – вторая половина процесса заключается именно в конденсации, в сжижении паров бутана. И тут на место теплой подледной воды выступает на сцену второй, очень важный фактор – атмосферный холод, мороз. Я уже говорил, что бутан при температуре ниже чем минус десять градусов Цельсия остается в жидком состоянии: поэтому, если привести пары бутана в соприкосновение с морозным воздухом, они немедленно сжижаются. Но воздух – плохой проводник тепла: кроме того, в Арктике температура атмосферного воздуха в течение суток сильно колеблется: ночью она очень понижается, а днем значительно повышается. Эти колебания скверно отражаются на работе станции.

Гораздо эффективнее применять для охлаждения паров бутана замороженный раствор поваренной соли, который в этом состоянии носит название холодильного гидрата. Этот раствор является прекрасным охлаждающим веществом, так как для своего обратного перехода в жидкое состояние он энергично и быстро поглощает большое количество тепла.

Это тепло холодильный гидрат отнимает от паров бутана при соприкосновении с ними. При этом пары бутана, охлаждаясь, переходят в жидкое состояние, а холодильный гидрат, поглощая тепло из паров бутана, переходит из твердого состояния – крупинок льда – в жидкий рассол. Таким образом, при конденсации паров бутана получают две несмешивающиеся жидкости: бутан и соляной раствор – рассол.

Жидкий бутан отводится из конденсатора обратно в котел-испаритель для повторного превращения в пары, а рассол выводится наружу, на мороз, в специальные каналы, вырубленные в прибрежном льду. Там он вновь замерзает, и оттуда его потом вновь направляют в конденсатор. При этом для электростанций, построенных у моря, совсем нет необходимости привозить соль для образования холодильного гидрата. Достаточно в этих каналах несколько раз дать замерзнуть соленой морской воде, каждый раз удаляя лед, чтобы образовался достаточно насыщенный рассол.

В зависимости от площади каналов находится и мощность электростанции. Так, например, каналы площадью в два с половиной квадратных километра, покрытые слоем замороженного соляного раствора толщиной в пятнадцать сантиметров, обеспечивают круглосуточную работу электростанции мощностью в семьдесят пять тысяч лошадиных сил. Холодильный гидрат можно запастись на случай резкого потепления, когда замерзание соляного раствора замедлится или совсем приостановится. Тогда станция сможет работать

несколько дней на этих запасах.

Вот, так сказать, основные принципы работы нашей электростанции, и процесс ее работы схематически можно изобразить вот так.

Жан Кларетон выбрал около себя более или менее чистое от камней место и на ровном песке стал чертить.

– Эти принципы, – продолжал Кларетон, – были разработаны и впервые выдвинуты еще в 1930 году на второй всемирной энергетической конференции в Берлине инженером и физиком Баржо. Все сулило успех этой удачной идее, но в те годы в капиталистических странах бушевал экономический кризис, от которого трещал весь буржуазный строй и о котором уже говорил товарищ Диего. Ни о каких новых электростанциях тогда не думали. Между тем, по подсчетам, выходит, что стоимость электроэнергии на станциях по методу Баржо обходится даже в пять-восемь раз дешевле, чем на гидростанциях. Прибавьте к небольшим капитальным затратам незначительную стоимость эксплуатации, и вам делается понятным, почему наша станция работает рентабельно даже при укороченном периоде работы.

– По-моему, – сказал Виктор, – одной этой дешевизны недостаточно, чтобы компенсировать неудобства от укороченного периода работы станции. А что же делает вся промышленность вашего района летом, в те месяцы, когда ваша станция не работает? Откуда вся эта промышленность получает необходимую энергию? Или весь район замирает до зи-

мы? Это, конечно, чепуха, но как все же дело происходит фактически?

– Это вполне серьезный вопрос, – ответил Кларетон, – но плановые энергетические органы, конечно, учли его. В тех местностях, где возле наших электростанций имеются реки и их падение можно использовать для получения энергии, там строятся гидростанции. Зимой эти реки почти полностью вымерзают, и поэтому построенные на них гидростанции могут работать с полной эффективностью как раз лишь в те теплые месяцы, когда наши «ледяные» электростанции должны прекратить работу. Таким образом, только такое сотрудничество может обеспечить район бесперебойной подачей энергии. Если же нет подходящих условий для постройки гидростанций, то приходится, как это ни тяжело, строить тепловые станции на привозном или, в очень редких случаях, на местном минеральном топливе.

– Какая же станция кооперирована с вашей? – спросил Диего.

– Недалеко от нас, около трехсот километров к востоку, протекает бурная, порожистая река Пяси́на. Там сооружена гидростанция на сто тысяч лошадиных сил, с которой мы и сотрудничаем.

На этой станции, кстати, работает инженер Кечмаев, тунгус, земляк и сородич Жени Ляпуновой. Ему сейчас уже лет за сорок. Он был одним из первых тунгусов, приехавших в Ленинград и поступивших в школу, а потом и в Универси-

тет северных народностей. Это очень талантливый инженер, который нигде не хочет жить и работать, как только в своих родных тундрах. Между прочим, и Женя Ляпунова, которая сначала воспитывалась в одной из кочевых советских школ, под его влиянием была потом также отправлена в Иркутск и пятнадцати лет была уже студенткой университета. От инженера Кечмаева и начинается, в сущности, вся эта история, которая произошла с Женей и Корнеем Бойцовым.

– А! – воскликнул Игнат, чрезвычайно оживившись. – Наконец-то выплывают наши герои!

– А если в этой истории, – со смехом добавила Вера, – будет небольшая порция романтики, то удовольствие Игната не будет поддаваться описанию.

– Романтику, – сказал Жан Кларетон, – вы найдете везде, где человек вступает в смертельную схватку с природой или с какой-нибудь иной враждебной силой.

Именно такой характер имеет история, которую я хочу вам рассказать. Началась она с того, что Кечмаев захотел нанести визит своей землячке Жене, которая только что приехала на нашу станцию. Дело было зимой, вернее, в конце зимы.

Гидростанция Кечмаева не работала. Пясины по обыкновению промерзла до дна и воды не давала. На станции шел лишь обычный зимний ремонт агрегатов и другого оборудования. Поэтому Кечмаев и позволил себе эту прогулку к нам. Он сговорился с Женей по радио, что в тот же день к пятна-

дцати-шестнадцать часам он будет у нее.

Женя разговаривала с ним из своей лаборатории, которая находилась в конце галереи над турбинным залом. Приезд Кечмаева так обрадовал ее, что она почувствовала необходимость сейчас же поделиться своей радостью с кем-нибудь из нас. Еще с детства Женя окружала Кечмаева ореолом героизма и робким поклонением. Его отъезд из родного полудикого урочища в далекий и страшный мир русских, где творятся сказочные дела, где идет борьба со злыми духами всего мира, потом его приезды в родные становища в чужой русской одежде, с чужими манерами, с непонятными вещами и странными речами, необыкновенная почтительность, которой сородичи окружали его в эти приезды, – все это вселяло в маленькую Женю сначала чувство страха перед Кечмаевым. Потом это чувство перешло в глубочайшую привязанность, когда под влиянием Кечмаева Женю отдали в советскую кочевую школу, а потом отвезли в Иркутск.

Они не виделись уже года три, и бурная радость Жени от предвкушаемой встречи, естественно, искала выхода. Она быстро окончила свой обычный ежедневный анализ образцов морской воды, бутана, холодильного гидрата, прибрала свои пробирки, колбы, реактивы и, скинув халат, выбежала на галерею. Хотя прошло уже больше месяца со дня ее приезда к нам, она все еще не вполне свыклась с нашей станцией. Я не раз наблюдал, как она, выходя из лаборатории на галерею, останавливалась в восхищении перед картиной, ко-

торая развертывалась у нее под ногами.

И действительно, на свежего человека наша станция производила большое впечатление. Представьте себе огромный зал, длиной около двухсот метров.

Противоположные стены его почти сплошь стеклянные с огромными двойными стеклами. На высоте тридцати метров Женя на своей галерее казалась маленькой черной птицей. Глубоко внизу под нею, прильнув к полу, вытянулись в два ряда семьдесят пять черных горбатых турбогенераторов мощностью по две тысячи киловатт каждый. Они похожи на стадо гигантских черепах, ползущих куда-то в неведомые дали под непрерывное гудение. Но каждая из них как будто держится на привязи кем-то там, наверху, под потолком, куда протянулись, как лес лиан, до половины изогнутые светло-серые трубы. На этой высоте каждые четыре трубы, как огромные опрокинутые четырехсвечники, сходились, сливались в одну, вытягивались тонкими колоннами ввысь, к потолку, и, пробившись сквозь него, исчезали.

Эти трубы отводили из каждой турбины отработавший в ней пар бутана в конденсатор, где он должен был сжижаться и в виде жидкости вернуться опять в котел-испаритель.

Внизу, в зале, царило безлюдье, и черные горбатые существа жили своей задумчивой жизнью, предоставленные самим себе. Лишь изредка по среднему проходу, как по проспекту, бесшумно проносился электрокар с человеком на его площадке. И опять надолго безлюдье.

Первые дни Женя подолгу простаивала, очарованная этой самостоятельной, ритмической, скрыто напряженной жизнью зала. И сейчас она на минуту задержалась, впитывая в себя своими раскосыми монгольскими глазами эту все еще волнующую ее картину. Потом она бросилась бегом к непрерывному лифту, и через минуту ее маленькая складная фигурка пролетела на электрокаре через весь зал, сквозь лиановые сплетения труб и исчезла под выходной аркой. Тут она встретила меня с Бойцовым. Мы с ним шли на обычную утреннюю проверку работы испарителя и еще издали видели, как Женя вышла из лаборатории, и поджидали ее. Присоединившись к нам, она немедленно сообщила о завтрашнем госте, и это известие нас очень обрадовало. Нельзя было сказать, чтобы на своей уединенной станции мы были очень избалованы посетителями.

Правда, наше телекино приносило нам кусочки жизни со всей страны и со всего мира: мы регулярно слушали и видели московские, парижские, нью-йоркские концерты, лекции, театральные спектакли, съезды, доклады, разговаривали с далекими родными и друзьями. Но живые люди редко заглядывали к нам. И потому обещанный приезд Кечмаева всех нас обрадовал.

Пока мы спускались в нижний этаж, где помещался испаритель, Женя успела уже вцепиться в Корнея Бойцова, подсмеиваясь, подшучивая и дразня его.

Добродушный увалень с медвежьими ухватками, Корней,

как мог, немного смущенно отшучивался и отбивался, но это ему плохо удавалось. Он больше сопел, улыбаясь, поглядывал на миловидное, чуть скуластое лицо Жени с характерным тунгусским лбом.

В испарительном отделении было так же безлюдно и тихо. Оно тянулось под всем турбинным залом, и каждому ряду турбин наверху здесь соответствовал длинный, стопятидесятиметровый, бетонный ящик высотой от потолка до пола. Эти два бетонных ящика были испарителями. В них подавалась через трубу морская вода из-под льда и жидкий бутан из конденсатора. В этих бесконечно длинных бетонных «котлах» бутан, смешиваясь с «теплой» водой, замораживал ее в ледяную крупу и сам превращался в пар. И через семьдесят пять коротких вертикальных труб этот пар врывался в турбины наверх, заставлял их вращаться и вращать свои генераторы.

На темно-зеленых бетонных стенах испарителей, покрытых слоем блестящей, как будто лакированной, пластмассы, были помещены различные измерительные и контрольные приборы. Они автоматически следили за равномерностью подачи воды и бутана, за их состоянием и качеством, за упругостью и давлением паров бутана, за своевременным и полным удалением льда из испарителя. Все показания этих приборов также автоматически по проводам электрической сигнализации передавались в лабораторию Жени и в комнату дежурного инженера-диспетчера.

Теперь Женя вместе с Бойцовым проверяла работу приборов на испарителях, как она проверяла до того их показания у себя в лаборатории.

После двухчасовой работы мы поднялись на непрерывном лифте в мой кабинет на той же галерее, где помещалась лаборатория Жени. Здесь на своем столе я нашел обычную в этот час дня метеорологическую сводку с нашей Диксоновской радиостанции.

Сводка сообщала неприятные вещи: быстро надвигается с северо-востока сильная пурга.

– Знаете, Женя, – сказал я, глядя на эту сводку, – пожалуй, было бы лучше, если бы Кечмаев отложил свой приезд к нам. Пурга в тундре – малоподходящее время для дружеских визитов.

– Да, конечно, – согласилась Женя. – Но он ведь тоже получил эту сводку. Вероятно, он ее принял во внимание. Надо все-таки поговорить с ним.

Мы настроили мой настольный радиоаппарат и послали позывные гидростанции.

Через минуту гидростанция ответила и на наш вопрос о Кечмаеве сообщила, что он с полчаса как выехал к нам на своих аэросанях. Метеорологическая сводка его не застала, и на гидростанции очень беспокоятся, как бы пурга не застала его на гористом участке пути. Они сообщили ему об этом по радиотелефону, но он ответил, что прошел уже больше половины горной дороги, что до пурги успеет пройти осталь-

ной ее участок, а в тундре, говорил Кечмаев, не страшно.

Мы узнали у гидростанции позывные аэросаней Кечмаева и вызвали его. Он просил не беспокоиться, сообщил, что все идет благополучно, дорога прекрасна и он будет у нас вовремя – часа через три-четыре.

Нам оставалось ждать. Женя ушла к себе работать над рефератом о химическом составе морской воды у острова Диксона. Материал для него она начала собирать с первого же дня приезда к нам. Я занялся своими делами.

Через полчаса новая срочная метеосводка сообщала, что пурга надвигается с необычайной быстротой, ветер достигает двенадцати баллов, видимость совершенно отсутствует, острова Диксона пурга достигнет в ближайшие десять-пятнадцать минут.

Это последнее сообщение не вызывало сомнений: я увидел в окно, как потемнело облачное небо, как низко спустились тучи, как быстро сгущался мрак и короткий тусклый день раньше времени переходит в густые сумерки.

Я отдал необходимые распоряжения по электростанции: поставить снегоочиститель, проверить грабли, осмотреть навесы на транспортерах холодильного гидрата. Надо было подготовиться к встрече урагана, очевидно, необычайной силы.

Я видел через окно коренастую фигуру Корнея, возившего над грабельным двигателем, который ходил, как вагон трамвая, по рельсам вдоль каналов, в которых замерзал рас-

сол. Далеко выброшенные от двигателя в сторону на всю ширину канала, грабли собирали льдинки замерзающего рассола и подгоняли их к транспортеру. Перед двигателем граблей на тех же рельсах помощник Корнея устанавливал снегоочиститель, который должен был работать в пространстве между граблями и транспортером и очищать поверхность скопившихся там льдинок от снега.

В глухом конце прогнутого петлей канала, широкого и очень мелкого, далеко под ледяную кашу входил бесконечный ленточный транспортер. Он захватывал здесь подгоняемые граблями льдинки и тащил их на себе, скрытый в тоннеле под низким железным сводчатым навесом. У подножия водяной башни конденсатора, в одном общем устье с главным транспортером, сливался другой, резервный транспортер, шедший из запасного склада холодильного гидрата.

Тут транспортер сбрасывал льдинки в наружную часть башни, неглубокую, как та часть курительной трубки, в которую набивают табак. Скоплавшиеся здесь верхние слои льдинок давили на нижние и заставляли их переходить во внутреннюю длинную, как чубук трубки, башню со столбом рассола в двадцать метров высоты. Этот столб рассола держался благодаря сильно разреженному в конденсаторе воздуху и, следовательно, большой разнице в атмосферном давлении снаружи и внутри конденсатора.

В этом столбе льдинки всплывали до вершины башни и там пересыпались на наклонную плоскость конденсатора,

охлаждали поступавшие туда пары бутана, превращали их в жидкость, сами таяли и, смешиваясь с жидким бутаном, стекали вниз. В нижнем резервуаре более легкий бутан отделялся от рассола и всплывал кверху, как мыло на воде. Через трубу у самого дна резервуара рассол выводился наружу к другому концу канала, и вновь начинался процесс его замерзания, а бутан через верхнюю трубу спускался вниз, в испаритель, для нового круговращения через турбину.

Фигуры Корнея и его помощника, до этого ясно видимые, вдруг потонули во мгле.

Густые хлопья снега завертелись за окном во внезапно налетевшем вихре. Все сразу поглотила ночь. Наружные фонари, силой в сто тысяч свечей каждый, были сейчас же зажжены, но их свет едва пробивался качающимися оранжевыми пятнами сквозь непроницаемые тучи снега. Завыл ветер, вой делался все сильнее, все злее и яростнее. Еще через минуту он превратился в рев, сквозь который почти ничего нельзя уже было расслышать.

В кабинет вошел Корней. Он доложил, что они успели выполнить все распоряжения, хотя навес над транспортером им пришлось проверить в абсолютной тьме.

Во время его доклада быстро вошла в комнату Женя. Она была очень встревожена.

– Товарищ Жан, – сказала она взволнованно, – я говорила сейчас с Кечмаевым. Он уже о тундре, его нагнала пурга... Он говорил, что все идет благополучно, как вдруг на полу-

слове передача прервалась... Я билась десять минут, чтобы опять связаться с ним, и ничего не вышло... Что это может быть, товарищ Жан? Что с ним могло случиться?

– Ну, что могло случиться? – ответил я возможно спокойнее. – Вероятно, в атмосфере сейчас сильнейшие электрические разряды, и они, как это иногда еще бывает, мешают работе радио. Вызовите по моему аппарату оленеводческий колхоз с материка и проверьте связь.

Этот колхоз объединил всех бывших кочевников-оленьеводов с ближайшей тундры.

Там работали остяки-самоеды, ненцы, но больше всего тунгусы. Колхоз был основан еще в конце второй пятилетки и теперь довел свое оленье стадо до ста тысяч голов. Его фабрика вырабатывала из оленьей кожи лучшую замшу, которая у нас и за границей раскупалась нарасхват.

Ответа из колхоза Женя не получила: было ясно, что именно атмосферные разряды прервали связь с Кечмаевым.

Я распорядился зажечь на крыше мощный прожектор в два миллиона свечей, направив его в ту сторону, откуда мы ожидали Кечмаева.

Мы все опять разошлись по своим помещениям. Но Женя, прежде чем уйти, сказала мне:

– Кечмаеву будет плохо... Это пурга... она убивает все живое. Я это хорошо знаю. Когда я была еще маленькая, она убила моего брата с целой упряжкой оленей.

– Ну, Женя, машину она не убьет, – успокаивал я ее, – а

машина у Кечмаева хорошая...

Оставшись один, я поработал еще час-другой под неистовый рев и гул пурги и пошел в обход по рабочим помещениям станции.

Внизу насос, подававший воду из моря в испарители, работал исправно: в испарительном отделении, в турбинном зале все было в порядке. Но везде чувствовалось невероятное напряжение, испытываемое зданием в борьбе с огромным напором урагана. Казалось, стены и крепления скрипят и стонут и их стоны сливаются с ревом пурги. Когда я перешел в конденсатор и поднялся наверх, этот рев оглушил меня. Но транспортер работал бесперебойно, ледяная крупа холодильного гидрата непрерывно сыпалась, как горох, из башни в конденсатор. Правда, приборы показывали, что крупа имела большую против нормы примесь снега, с которым, очевидно, не мог полностью справиться снегоочиститель. Но ничего угрожающего пока еще не было в этом.

Прямо с осмотра я прошел в столовую обедать. Женя уже была там. Она сообщила мне, что еще раз пробовала вызвать Кечмаева, но это ей не удалось.

По нашим расчетам, он должен был бы при обычных условиях уже приехать к нам. Его аэросани могли развивать скорость до ста пятидесяти километров в час. Но об этой скорости при такой пурге не приходилось, конечно, и думать.

Раньше, чем через час, его не следовало ожидать.

Кечмаев через час не приехал. Время тянулось под непре-

рывный рев и стон ветра. Беспокойство превращалось в тревогу, которая с каждым часом росла.

Во время ужина Женя, да и я тоже почти не в состоянии были есть.

Уже давно вступила третья смена. Давно уже пора было спать. Но было не до сна. Женя сидела у меня в комнате с посеревшим лицом. Мы перебирали все возможные случаи, которые могли произойти с Кечмаевым, искали способы оказания помощи ему, и ничего не могли придумать. Пойти к нему навстречу было, конечно, безумием.

Нам ничего другого не оставалось, как заpastись терпением и ждать, пока хотя бы немного стихнет пурга и можно будет, связавшись с Пясинской гидростанцией и колхозом, организовать поиски Кечмаева.

Мы собирались уже разойтись по своим комнатам, как послышался позывной гудок из моего настольного телефона. Дежурный диспетчер сообщил, что на его доске появился сигнал об аварии с транспортером, что, пока он вызывал Бойцова и заведующего ремонтной мастерской, тревожные сигналы появились уже из конденсатора, куда перестал поступать холодильный гидрат и давление паров бутана резко увеличилось. Он сообщил, что распорядился включить транспортер из запасного склада холодильного гидрата. Я одобрил его распоряжения и перешел в свой кабинет. Женя пошла со мной. Там меня уже ждали Бойцов и заведующий ремонтной мастерской Таримов, молодой узбек, кото-

рого странная прихоть забросила сюда, к вечным льдам и снегам, из знойного Узбекистана.

Они уже знали об аварии от диспетчера, и я предложил им немедленно приняться за ее ликвидацию. Не успели они удалиться, как раздался новый гудок из диспетчерской. Диспетчер сообщал, что резервный транспортер сломан, давление паров бутана в конденсаторе все увеличивается, уровень жидкого бутана в испарителе угрожающе понизился, его хватит не больше, чем на час работы турбин.

Положение становилось угрожающим. Если авария не будет в течение этого часа ликвидирована, все Таймыро-Енисейское побережье океана лишится нашей электроэнергии, замрет, погрузится во тьму, будет отдано в жертву холоду.

Перерыв радиосвязи лишил нас даже возможности оповестить всех об аварии и о необходимости подготовиться к ее тяжелым последствиям.

Пурга редела за стенами как будто с увеличенной яростью. Казалось, что все здание качается под непреодолимым напором ветра. Я никогда не думал, что он может достигнуть такой чудовищной силы. Невольный страх колюче сжимал сердце при неожиданных диких взвизгиваниях и столах пурги за стеной. Вдруг к этой бешеной какофонии присоединился сначала чуть слышный, затем все более нарастающий глухой гул. Гул вскоре перешел в потрясающий небо и землю грохот. Казалось, где-то здесь, в непосредственной близости от нас, сталкиваются громады скал, содрогаются и рушатся

горы.

– Пурга ломает прибрежные льды, – едва шевеля губами, проговорила Женя.

Я скорее угадал слова, чем услышал.

В это время в кабинет вошел Корней. На нем лица не было.

– Товарищ Кларетон, – обратился он ко мне, запинаясь, – выходную дверь невозможно открыть, должно быть, снегом завалило...

– Идите через трансформаторную подстанцию!

– И там невозможно! – ответил Корней. – Мы заперты, как в ловушке.

– Не говорите глупостей, товарищ Бойцов! – резко ответил я. – Надо взломать двери и проделать тоннель в снегу...

В кабинет постепенно уже собирался встревоженный персонал: сменные инженеры, радист и другие работники станции.

Опять раздался гудок диспетчерского телефона. Я вздрогнул, услышав его гнусавый, зловещий звук. Чем еще грозит нам эта черная лакированная трубка?

Я приложил ее к уху.

– Уровень бутана в испарителе, – докладывал взволнованный диспетчер, – понизился до аварийного минимума. Разрешите включить резервные баллоны, иначе через пятнадцать минут турбины остановятся.

– Включайте, – ответил я, – но одновременно пустите в

ход насос и откачайте пары бутана в газгольдер, доведя давление в конденсаторе до нормального...

Вот что, товарищи, – обратился я к присутствующим, положив телефонную трубку на аппарат, – произошла авария, и лед перестал поступать в конденсатор.

Запас бутана в цикле станции иссяк, и я пускаю в работу аварийный запас. Его хватит на пять часов. За этот срок мы должны во что бы то ни стало добиться выхода наружу и ликвидировать аварию транспортеров. Если мы этого не сделаем, всему району нашей станции грозит огромное бедствие. Нам нужно работать с напряжением всех сил и я мобилизую всех работников станции.

Через пять минут несколько человек, вооруженных топорами и ломami, рубили дверь. С нею было нелегко справиться. Она была сделана из пластмассы, по твердости не уступающей железу. Топоры быстро иступились, почти не поцарапав дверь, сверла ломались. Пока мы убедились в тщетности наших первых попыток, пока потом налаживали отбойные электрические молотки, прошло больше часа. Но отбойные молотки лишь медленно крошили дверь. Небольшой заряд тротана – нового взрывчатого вещества, действующего локализовано по линии наибольшего сопротивления и потому безопасного для окружающих, – открыл перед нами голубую стену снега. Его плотность внушала мне беспокойство: она равнялась плотности рыхлого льда. Очевидно, толщина слоя была огромна.

Пока люди пробивались в снегу, я поднялся к себе в кабинет и застал там Женю. Она взволнованно ходила по комнате, обдумывая, очевидно, что-то очень серьезное.

Увидев меня, она резко остановилась посередине комнаты и официально сухо, почти жестко сказала, стараясь перекрыть пургу:

– Товарищ Кларетон, я уже давно ожидаю вас здесь. Мне нужно поговорить с вами. Я хочу вас спросить; вы понимаете, что попытка пробиться наружу, добраться до транспортера, отыскать место аварии и ликвидировать ее в течение оставшихся в нашем распоряжении трех с половиной часов – попытка совершенно безнадежная? Попытка, заранее обреченная на неудачу? Вы отдаете себе в этом отчет?

– Почему вы так думаете, Женя? – спросил я, несколько озадаченный.

– Посмотрите! – Она схватила меня за руку и потащила к окну. – Вы в состоянии различить хлопья снега?

Нет, я не в состоянии был этого сделать: какая-то серо-голубая текучая стена стояла передо мной за стеклами окна, какая-то серо-голубая жидкость сплошным потоком, сплошной пеленой колебалась снаружи. Дело было ясно: может быть, мы уже засыпаны до второго этажа, а может быть, и выше...

Холодный пот выступил у меня на лбу.

Почти оглушенный, я опустился в кресло у стола.

– Что же делать? – пробормотал я в смятении.

Пурга редела надо мной похоронную, дикую песню. Ее торжествующий вой проникал до мозга моих костей. Казалось, еще одно усилие – и под оглушительную канонаду ломающихся льдов она похоронит нас среди развалин станции.

– Что делать? – бессознательно повторил я, сжав голову между ладонями рук.

Женя положила мне руку на плечо.

– Что делать? – переспросила она. – Нам нужно немедленно добраться до транспортера и пустить его в ход. Добраться до него можно одним путем – через башню конденсатора. Через двадцатиметровый столб воды, под разделительную стенку, – и непосредственно в тоннель транспортера...

По мере того как она говорила, спокойствие возвращалось ко мне. Я взял себя в руки: экзальтация молодой девушки внушала мне тревогу.

– Милая Женя, – сказал я ей, вставая с кресла, – можно придумать очень много остроумных, но, к сожалению, фантастических и невыполнимых проектов... Надо найти какой-нибудь более реальный и осуществимый выход. А вам не мешает пойти отдохнуть. Вы ведь уже больше суток на ногах. Идите, девочка, к себе и поспите хоть немного...

Потрясающий грохот и вой раскололи, казалось, землю и заглушили мои последние слова, так что я и сам их почти не расслышал. Я чувствовал, как кровь отливает у меня от сердца и как я буквально холодею.

И я добавил вслух:

– Если только можно заснуть в этом аду...

– Товарищ Жан!

Женя подошла ко мне вплотную и подняла на меня почти умоляющие глаза:

– Товарищ Жан! То, что я предлагаю, – это единственное. Этот план совсем не фантастичен, я его вполне продумала. Не теряйте драгоценного времени. Не злоупотребляйте вашим правом единоначальника. Подумайте хорошенько. В крайнем случае созовите производственное совещание. Я утверждаю, что мой план вполне реален.

– Женя! – воскликнул я. – Двадцать метров воды! Даже не воды, а рассола! И потом снаружи еще больше метра вверх! Вы понимаете, что вы предлагаете? Кто в состоянии проделать это? Кто возьмется за это?

– Я! Я! Только я это смогу сделать, – с жаром, почти захлебываясь от волнения, говорила Женя, прижимая руки к груди. – Только я! Я маленькая...

Я смогу пройти под разделительной стенкой башни... никто больше не сможет...

Здесь все крупные мужчины, а там проход всего лишь в сорок сантиметров... Я привяжу что-нибудь тяжелое к ногам, чтобы побороть плотность рассола... Я, как камень, пролечу на дно. Это ведь один момент. Я хороший пловец. Вы не знаете – я брала призы на Ангаре.

Я был оглушен этим страстным потоком. Мало того, надо признаться, она захватила меня своей убежденностью, своей

верой, своим энтузиазмом. Ее план стал уже казаться мне действительно выполнимым.

Мое сопротивление стало ослабевать, мои возражения делались все более неуверенными. Но прежде чем окончательно сдаться, я сказал, что хочу выслушать мнение производственного совещания.

На совещании после краткого, но бурного обсуждения все пришли к заключению, что проект Жени хотя и очень опасный, но при данных обстоятельствах единственно возможный. Лишь один Бойцов яростно и до конца восставал против того, чтобы поручить Жене его осуществление. Он говорил, что это недопустимо, что задача не по ее силам, что только ему нужно поручить это дело, что, наконец, транспортер в его ведении и это его право и его обязанность идти исправлять транспортер. Когда Женя, волнуясь и нервничая, указала ему, что он не пролезет в узком проходе под разделительной стенкой, он вытянул вперед свои узловатые руки и сказал, что он достаточно силен, чтобы даже на глубине двадцати метров двумя-тремя ударами лома расширить проход.

Нам, восемнадцати мужчинам, участникам этого совещания, было горько и стыдно посылать на это рискованное дело Женю, такую маленькую, такую хрупкую на вид. И все же мы не видели другого выхода. Все другие проекты, которые выдвигались на совещании, например, вылезти наружу через фрамугу или через вентиляционные трубы и спуститься по веревочной лестнице, были явно безнадежны: как отыскать,

откопать, обследовать и чинить транспортер в такую сумасшедшую погоду, при такой чудовищной глубине снега!

Одним словом, через пятнадцать-двадцать минут наша маленькая Женя стояла перед входом в конденсатор, одетая в каучуковый скафандр водолаза поверх теплофицированного костюма. Она была трогательна – со своей стройной маленькой фигуркой, порозовевшим сквозь желтизну счастливым лицом и радостными блестящими глазами.

Вокруг ее пояса от катушки, разворачивавшейся у нас, тянулись электрические провода, по которым шел ток в теплофицированный костюм, у пояса висел набор необходимых инструментов и небольшой электрический фонарь, к ногам привязана легко развязываемым узлом стальная пластина весом в пять-шесть килограммов.

На груди у нее висел небольшой каучуковый мешочек с миниатюрным радиотелефоном «миньон».

Женя прощалась с нами, радостно улыбаясь, и все с восторгом, смешанным со смущением, смотрели на нее, когда она взялась уже за ручку дверей.

– Берегите себя, Женя, – говорил я, пожимая ей руку в каучуковой перчатке, – не рискуйте безрассудно. Если не хватит дыхания, отвязывайте груз и взлетайте пробкой обратно...

Я один проводил ее в конденсатор. Мы прошли с ней через двойную дверь на площадку у отверстия башни. Воздух здесь был хотя и сильно разреженный, но довольно чистый,

так как я заранее распорядился очистить помещение от паров бутана. Мы подошли к барьеру колодца. Вода выглядела черной и густой, как смола. Я вынул термометр, постоянно погруженный в воду: он показывал минус двадцать два градуса.

Я отдавал Жене последние распоряжения:

– Прежде всего обследуйте резервный транспортер. В ледовых каналах теперь уже слишком заснеженный холодильный гидрат.

Жене не терпелось. Она торопила меня, пока я накладывал на ее лицо густым слоем тюлений жир для предохранения кожи от холода. Потом она быстро пожала мне руку, улыбнулась и в одно мгновение перемахнула через барьер. Тяжелая вода почти без плеска сомкнулась над ее головой, два-три круга медленно разошлись по лакированной поверхности.

Я быстро вышел из конденсатора, торопясь к радиоаппарату: мы условились с Женей, что она как можно чаще будет сообщать нам о себе, о состоянии транспортера, обо всем, что будет делать.

У конденсатора остался на всякий случай дежурить Бойцов.

Почти бегом я одолел две лестницы и часть галереи и, когда входил в свой кабинет, застал уже там всех, провожавших Женю. Перебивая друг друга, они радостно сообщили мне:

– Женя уже телефонировала! Все идет благополучно! Она

влезает уже в тоннель транспортера!

Еще через минуту из громкоговорителя послышался голос Жени; она сообщала, что ползет по ленте резервного транспортера, отгребая в стороны ледяную крупу и осматривая ролики под лентой. Пока транспортер в порядке.

Я не буду передавать дословно все сообщения Жени. Я коротко сообщу лишь об основном.

Женя медленно доползла до середины транспортера, когда вдруг наткнулась на совершенно разрушенный участок его тоннельного перекрытия. Железные листы были сорваны и помяты, одна дуга каркаса вырвана из гнезда. В образовавшемся проломе сидел какой-то странный металлический ящик, зацепив двумя торчащими из него железными палками ленту транспортера. Жене пришлось много потратить труда, прежде чем она могла прокопать в снегу небольшое пространство рядом с ящиком и обследовать его при свете ручного фонаря. После долгого молчания, которое начинало нас уже беспокоить, мы вдруг услышали из громкоговорителя плачущий, прерывающийся голос Жени:

– Это сани Кечмаева... Товарищ Жан! Товарищ Жан! Он здесь! Он лежит весь в крови!

Мы были как громом поражены. Так вот причина аварии! Очевидно, проблуждав долгое время в тундре, Кечмаев при помощи своего инфракрасного аппарата все же нашел нашу электростанцию и в последний момент напоролся на транспортер, потерпев аварию, может быть, смертельную для него.

Невозможно передать волнение, которое охватило нас всех. Мы сидели здесь, в комфортабельной комнате, и представляли себе, что переживала там Женя в одиночестве, и готовы были руки искушать себе от сознания своего бессилия.

Мы запрашивали Женю о состоянии Кечмаева, теребили и дергали ее своими расспросами, но лишь через несколько минут молчания она ответила:

– Я вошла в сани. У него чуть заметно бьется пульс... Я оттираю его снегом.

И опять молчание. В этот момент вошел в кабинет Корней. Он не мог больше оставаться один в конденсаторе, не зная, что с Женей. Он перехватил кого-то из персонала и оставил его там, а сам прибежал сюда. Мы сообщили ему о положении дел.

Через долгий промежуток времени опять раздался голос Жени:

– Я обследовала весь транспортер. Он почти совершенно не пострадал. Весь удар приняло на себя перекрытие тоннеля. Но что-то повреждено в его электрооборудовании. Что именно – не могу отыскать. Пусть Корней спустится сюда. Но сначала переправьте мне лом: я расширю проход у дна башни... Пусть Корней захватит коньяк и термос с горячим шоколадом для Кечмаева. Он еще не пришел в себя. Я ползу обратно к башне и буду ждать там лома...

Почти полчаса работала Женя, стоя в ледяной воде и отбивая ломом куски бетона от нижнего конца тонкой разде-

лительной стены. Когда ей удалось наконец расширить проход на пятнадцать-двадцать сантиметров, Корней, неистовствуя и сгорая от нетерпения, бросился в воду. Вдвоем они приподняли сани над транспортером и освободили его для движения. Корней довольно скоро нашел место повреждения электрооборудования и исправил его. Как потом выяснилось, сани сначала налетели на главный транспортер и разрушили его самым серьезным образом, потеряв при этом лыжи и пропеллер. На резервный транспортер сани наскочили уже лишь по инерции, с ослабленной силой, причинив лишь сравнительно незначительные повреждения.

Остальное можно рассказать в двух словах. Женя и Бойцов залезли в утепленную кабину саней, где находился приведенный уже в чувство Кечмаев, Он пострадал довольно серьезно. У него была сломана левая рука, была рваная рана на бедре, но он остался жив.

Мы пустили в ход транспортер. Авария была ликвидирована, работа станции продолжалась бесперебойно для ее огромного района. Пурга через несколько часов стихла. Но Женя, Корней и Кечмаев отсиживались в кабине саней двое суток, пока мы добрались до них, пробиваясь сквозь чудовищную толщу снега.

Ну, вот и все, что я хотел рассказать.

Жан Кларетон среди общего молчания вновь принялся за свой забытый, полуочищенный гриб.

– Да... вот тебе и Арктика, – задумчиво протянул Игнат. –

Какую потрясающую симфонию можно было бы создать о ней... о неистовой пурге... о льдах, которые она взламывает... о гибели, которую она несет... и о людях... которые противоборствуют ей!

Он стремительно поднялся и опять сел с порозовевшим от волнения лицом, ероша волосы на голове.

– У меня холод по спине сейчас пробежал... Какая это была бы мощь! Какая потрясающая сила!..

Вера серьезно посмотрела на него и сказала:

– Вот подрастешь, Игнат, и напишешь. Право! Но вы говорили, – обратилась она к Жану Кларетону, – о какой-то маленькой аналогии и о большом контрасте со случаем с Диего...

– Это же так ясно, милая Вера, – живо перебил ее Диего. Долгий, пронзительный вой сирены не дал ему договорить.

Из-за ближайшего острова выбежал, густо вспенивая воду за собой, широкий глиссер и полетел к лагерю. Гудя пропеллером, блестя белым лаком и сверкая медью.

Все повскакали с земли и бросились к берегу, размахивая рубашками, ветками, руками, крича и призывая глиссер.

– Егоров! – закричал вдруг Евсей Иванович. – Да там наши! Вон он стоит! Ах, медведь тебя зачеши! Не иначе, как перехватили по дороге...

Он обернулся к берегу и, покраснев от натуги, выкатив глаза, закричал, как будто покрывая рев шторма в океане:

– Собирай пожитки, ребята! Пое-е-хали!